

4 Хмелев А

29-30

5. А все-таки она вертится или
Гумановид в небе шлется.

6. Герехин. ТЮЗ

7. Ретс. — Шаравцевия Б.
Худ. — Шерман Ф.

НА СМЕНУ
г. Свердловск

4 стр. № 27 сентября 1980 года «НА СМЕНУ!»

◆ ГАСТРОЛИ ГОРЬКОВСКОГО ТЮЗА им. Н. К. КРУПСКОЙ

«ЛОПОТУХИН, О ЧЕМ МЕЧТАЕШЬ?!»

Спектакль «Гумановид в небе шлется» по новой пьесе А. Хмелика начинается, как кино по темному «экрану» с немым свистом проносится лентой НЛО — белый в красную полосочку, мелькают «титры», один из которых остается перед глазами зрителей до конца представления. Это — видящий виды зонтик, к ручке его привязан большой воздушный шарик с надписью: «Шутка». «Шутка в двух действиях» — так и в театальной программе обозначает жанр спектакля. Его создатели (режиссер Б. Нарвацевич, ассистент режиссера В. Чернов и художник Ф. Шерман) как бы все время напоминают нам: «Ничего серьезного, это всего лишь шутка. Мы шутим. Мы пошутили».

Шутке положено быть озорной, веселой. И спектакль действительно этим определениям соответствует. Чего стоит, к примеру, словесные перепалки Петрова (А. Барковский) и Павлова (А. Чухнов). Эти ребята, как царковые клоуны, — «Белый» и «Сыжий». «Белый» Петров все время с подковыркой и «рыжнему»: «А Павлов у меня сплывал!» А вот Павлов до этого не додумался был. Тебя бы Павлов к гуманоидам!» А «Сыжий» Павлов только отбивается: «Че Павлов-то, че Павлов-то? Опять Павлов!» Правда, потому они поменяются ролями, и пойдет тот же ди-

алог, только уже Павлов будет звать, а Петров наугад оборотится. И виной тому история с лопотухинскими гуманоидами...

А началось все с обыкновенной контрольной работы. Сидели ребята за партами — Петров, Павлов, Малахова (остальные ученики тоже «присутствовали», но в виде фанерных плоских фигурок с кудряшками и вихрами, а в целом — иллюзия полного класса), кто решал, кто списывал прилежно. Учительница Алла Викторовна меряла класс худыми ногами — как пирюль в черных чулках — и покривала: «Павлов, о чем мечтаешь?» — «Я не мечтаю, я думаю...» И тут в класс вошла мечта. Белообрисая, с горящими глазами, в пионерском галстуке — ужасно похожая на Ваську Лопотухина (В. Шаповалов). Впрочем, это он и был. И началось...

Вызвали Василия на совет дружины. Пусть не врет, что на летающую тарелку с гуманоидами наткнулся.

Много лет прошло со времен пьесы Хмелика «Друг мой, Колька!» Понывелся в наших школах такие мергер-пионервожатые, как в той комедии, не сыскать пусто-мель, проводящих пионерские сборы на «вечную» тему «Береги минуточку», другим мальчишки и девочки — умные, остроумные, любознательные — сидят в классах и читальных залах. Но

вот бюрократы, демагоги, лачегтики среди взрослых еще нет-нет да и подаются, словно заблудившиеся мамыты, а значит, и ребята таким папашам еще подражают.

Председатель совета дружины Полуэктов (М. Горшков) не расстается с трибуной. Даже когда его отзывает в сторожку девятиклассник Шафиров (Г. Волков), он направляется к нему, неся свой маленький символ власти на вытянутых руках, как самовар с кипятком. Степенность мешает Полуэктову сразу сообразить, что находчивый Шафиров назо всех сил подталкивает его к нечаянной славе за лопотухинский свет. Если то, что Васька рассказывает, окажется правдой, то в школу валом повалят журналисты, а у кого ны интереснее брать? У председателя совета дружины, несомненно! Шафиров «вставляет» в рамку румяные щечки Полуэктова. И Полуэктову приходится с труднотельно: и трибуну надо держать, и рамочка «от славы» ему очень нравится...

И еще одна меткая сатирическая деталь. Полуэктов только рот открыл, чтобы провозгласить: «Кто за то, чтобы создать комиссию по расследованию дела Лопотухина?», а чистенькая дудка в аккуратном белом манжетнике коварной активистки Малаховой (О. Офорова) уже «за»...

Этот долговязый Шафиров из астрономического

кружка придумал комиссию для поиска доказательств Васькиной правоты: вовсе не ради будущего триумфа Полуэктова. Шафиров ищет истину, верит в невероятное, и даже если под ногами прекрасные цветы и зеленая трава, он все равно смотрит в небо, где звезды. Где кто-то над нами летает...

«Никто там не летает! Нету никаких гуманоидов!» Алду Викторовну (Л. Волчек) понять можно: из-за этих прщельцев у нее муж исцез с чердака, откуда вел черными наблюдал звездное небо. Прямо с телескопом сглянул. Впрочем, может быть, в этом исчезновении виноваты не гуманоиды вовсе, а какая-нибудь вполне земная особа женского рода в единственном числе. Но тем не менее учительница Родионова А. В. с тех пор ни о каких НЛО слышать не может и носит по утраченному супругу глубокий траур: даже сморнается в кусочек серого атласа.

Директор же Юрий Леонидович (Е. Калабанов) — человек обстоятельный, добродушный и невредный. Но уж такая должность у него — хвост не хочешь, а если кто из учеников на урок опоздал или болтает лишнее, реагировать обязан. Вот и вклячился в директорские думы Вася Лопотухин со своим гуманоидами, которых, являясь в директорском дворе, и за них-то, мол, в середине урока в школу и заглянул. И что самое пе-

чальное, похоже, не врет. Юрий Леонидович физике ребят обучает, об иных мирах наслышан в начитан. В конфиденциальной беседе сам привел Васе массу доказательств о явлениях пришельцев на Землю, но... «Сделай, Вася, публичное заявление, что о гуманоидах пошутил, и тогда Алла Викторовна тебя простит в двойку в четверти не поставит...»

Наверное, и Галилея когда-то вызывал к себе такой добродушный доброжелатель-инквизитор и нежно уговаривал: «Отрекись, Галилео. Не все ли тебе равно, что вокруг чего вертится? В умах брожение от твоих мечтаний. Отрекись, а? И тебе, и нам спокойнее...»

Зонтик с булыжником «Шутка» продолжает висеть над сценой. Но почему-то начинает казаться, что эти черные буквы становятся вовсе не такими смешными, как были поначалу, что улыбка этой «Шутки» скорее печальная, чем озорная... Что авторы «пошутили», назвав «шуткой» свой спектакль.

Лопотухин отрекся. Под «моральным давлением» двойки в четверти, под физическим воздействием дяди Коллионого «сантехнического» ремня.

К слову сказать, этот веселый пропойца из НКЗКа в пьесе фигура, пожалуй, более драматичная, чем в спектакле. Актер же Л. Ремнев рисует своего

героя в основном «шутейными» безоблачными красками, слишком буквально восприимчивая жанровое определение. Это относится и к актеру, играющему директора, Е. Калабанову, ищущему в роли «брод». Но на глубине брода не бывает.

Лопотухин отрекся от правды. И грусть спектакля-«шутки» не в том, что люди не верят в гуманоидов, а в том, что порой не верят человеку.

...Грустно прощаемся с детскими снами. Вымыслы наши прощаются с нами. Крыльев не слышно уже за спиной. Робот храпит у меня за стеной...

Наверное, с этим старым зонтиком когда-то мечтатель Васька Лопотухин сгинул с третьего этажа, как с парашютом. Оттого и спицы корявые, и ткань рваная. Прыгнул мечтой, а приземлился шуткой да еще на «пятую точку»... Но шутка с зонтиком обошлась Васье несколькими снятками и мамкиным шлепком. А «шутка» с гуманоидами оставила царапину прямо на сердце, которая займет не скоро. И заживет ли?...

Но посмотрим снова на сцену. Лик Коперника, разномысленный, как в трельяже, обращен в зал. Да, был Галилей, но раньше — Коперник. И Галилей в конце концов воскликнул: «А все-таки!».

И есть девятиклассник Шафиров, которому в спектакле, наверное, труднее всех. Да и в жизни тоже. Он уже не только мечтает, он думает. Не в шутку — всерьез.

Е. ШАКПИНА.